

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАСЛАВСКАЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕЁ ЖИЗНИ*

Сделанное Т.И. Заславской как социологом, экономистом, организатором науки, политиком и общественным деятелем будет отражено в истории советской / российской науки, в работах, анализирующих процессы перестройки и последующего периода, связанного с поиском путей постсоветского развития нашего общества и государства. Но это — со временем, а сейчас в самых общих чертах хотелось бы сказать о Т.И. Заславской как об уникальной личности и ученом-гражданине. Есть люди, которые знали Татьяну Ивановну много дольше и лучше меня, работали с нею вместе или в одной проблемно-предметной области. Придет время, и они напишут свои воспоминания. Однако думаю, что все же есть обстоятельства, разрешающие и мне написать эти заметки о Татьяне Ивановне. Прежде всего я работал несколько лет под ее руководством во Всесоюзном центре изучения общественного мнения; во-вторых, в 2005–2007 годах брал у Заславской биографическое интервью по электронной почте [1; 2] и перед публикацией материалов все согласовывал с автором; в-третьих, мне и ранее доводилось анализировать судьбу Татьяны Ивановны [3], бывать у нее дома и на даче, многое обсуждать с ней.

Процесс интервью был долгим, так как именно в то время Т.И. перечитывала свои многолетние дневники и писала мемуары [4]. Приведу фрагмент письма Заславской от 2 августа 2006 года; он одновременно раскрывает детали ее работы над воспоминаниями и показывает, насколько щепетильным и ответственным было ее отношение к интервью:

Сейчас написано 26 п.л. из предполагаемых 40 и 6 разделов из предполагаемых 11-ти. <...> Тяну из последних сил. Единственная выгода для нашей с Вами работы — это то, что я приближаюсь ко второй половине жизни и, так или иначе, буду на Ваши вопросы отвечать.

Должна Вам признаться, что в процессе работы с документами, дневниками и перепиской узнаю о себе много нового. Прежде всего, конечно, о жизненных событиях, т. е. что, когда и как происходило. «Что» — потому что о некоторых событиях я вообще не помнила, «когда» — потому что многие события в памяти оказались смещены во времени, а «как» — это часто интересные детали событий, которые совершенно смылись из памяти. <...> Я как бы заново переживаю свою жизнь, которая отнюдь не являлась величавым шествием к научной славе. Было много горя, мук и даже отчаяния и в

---

* Докторов Б.З. Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о её жизни // Социологический журнал, 2013. №3. С. 149-165.

личной, и в общественной жизни. Мне кажется, что за то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью «невидимыми миру слезами». Особенно писать об этом, конечно, не буду, поэтому мемуары не будут тождественны моим реальным воспоминанием о жизни, но что поделаешь?..

Сейчас я посмотрела Ваши оставшиеся не отвеченными вопросы. Ответить коротко, то это можно сделать за один день, но это мало интересно. Более интересны размышления и подробности, которые требуют времени. Но обещаю Вам вернуться к этой работе, чтобы отвечать в день хотя бы на один вопрос.

Таким образом, информационной базой предлагаемых заметок являются названные интервью и мемуары, но это — не только жизнеописание Заславской. Данный материал — продолжение моих исследований по истории современной российской социологии и еще одна попытка в разработке методологии изучения творческого наследия тех, кто стоял у истоков послевоенной советской социологии. Десять лет назад работа над этой темой была более академичной по стилю, но, к сожалению, последние годы заметно актуализировали ее. В ноябре 2006 года в своем кабинете умер Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона и вот — Т.И. Заславской. Мне бы не хотелось расширять этот мартиролог за счет имен социологов этой возрастной группы и более молодых, ясно одно: у российского социологического сообщества появилась новая функция — изучение биографий и деятельности наших учителей, наставников, коллег и друзей с целью обеспечения неразрывности российской социологии, создания и сохранения научных традиций. Речь идет об освещении фактической стороны их жизни и работы, сборе воспоминаний о них, составлении полных библиографий их публикаций, переиздании написанных ими книг и статей.

Движение в этом направлении началось. Так, Т.В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю.А. Левады и воспоминания о нем, выпущены материалы конференций памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Б.А. Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.Г. Харчева. Но может быть сделано больше: ведь то, что относительно несложно для нас, в принципе не смогут сделать новые поколения социологов.

Даже в моих историко-социологических работах я не скрываю пристрастности своего отношения к ученым, чье творчество и чья жизнь рассматриваю. Тем более я не могу оставаться академически бесстрастным сейчас. Я уважал Татьяну Ивановну Заславскую как ученого и, зная ее четверть века, имел возмож-

ность убедиться в высочайшем уровне ее человеческих качеств и почувствовать ее глубокую женскую притягательность.

Жизнь Татьяны Ивановны завершилась недавно, и конечно, сейчас данное обстоятельство детерминирует характер мысленного диалога с нею. Постепенно социологическим сообществом будут осваиваться источники, представляющие ее как обществоведа, одного из руководителей нашей профессиональной ассоциации, парламентария; также надеюсь, что будут изучены ее личные дневники, экспедиционные записи.

Материалы, доступные мне сейчас, — мемуары и интервью с Т.И. Заславской — предоставляют возможность рассказать о ее жизни и судьбе через анализ становления системы ценностей и личностных качеств, которые составляли базис профессиональной и общественно-политической деятельности этого ученого. Трудно сказать, в какой мере подобная методология универсальна, но на Заславскую принцип «биография человека — это его ценности» распространяется в полной мере.

Становление личности и профессиональное самоопределение

Осталось всего четыре года до столетия Октябрьской революции 1917 года, с тех пор прошло много лет, но все равно мы пытаемся увидеть в нашем современном обществе следы предоктябрьской России, трагических лет гражданской войны и бурного периода строительства социализма. Иначе нам не понять настоящего. Тем более следует учитывать особенности общественной атмосферы того неблизкого прошлого при изучении биографии Т.И. Заславской. Ведь она родилась всего через десять лет после революции, и формирование ее ценностного мира — в большей мере, чем у ее ровесников, других представителей первого поколения советских / российских социологов, — проходило в пространстве двух культур: «старой», либеральной, профессорско-дворянской, и «новой», прелетарской, школьно-дворово-коллективистской.

Судя по всему, в ее сознании граница между этими двумя социокультурными, нравственными пространствами никогда не исчезала полностью. Вспоминая середину 1930-х, свое московское детство, Т.И. писала о себе и своей сестре*: «В нас не было ни грана аристократизма. Не сговариваясь и никогда не

---

* Майя Ивановна Черемисина (род. 1924) — лингвист, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; создатель новосибирской синтаксической школы.

обсуждая это, мы обе стремились *быть такими, как все*, хотя на самом деле были *иными*, постоянно ощущали эту двойственность и понимали, что другие чувствуют ее не хуже нас. Но этим другим был не аристократизм, а пока еще не находившая внешнего выражения система моральных ценностей, а также внутренняя интеллигентность, вынесенная из киевского детства» [4, с. 68]. Более того, ощущение маргинальности присутствовало у Т.И. всегда: «Где бы я ни была, с кем бы ни общалась и ни дружила, в каких бы кампаниях ни участвовала, нигде я не ощущала себя полностью принадлежащей данной среде. Всегда идентификация была лишь частичной, везде я была «своей» и все-таки «не своей»» [4, с. 68].

Таня Карпова (такова девичья фамилия Т.И. Заславской) родилась и прожила первые пять лет в Киеве, в доме деда со стороны матери. Георгий Георгиевич де Метц, сын бельгийского подданного и русской дворянки, был профессором физики в Киевском университете Св. Владимира. В соответствии со ступенями академической карьеры он в 1906 году получил личное, а в 1913 году — потомственное дворянство. Таким образом, сам он был дворянином 12 лет, а члены его семьи — всего 4 года. Тем не менее, по воспоминаниям Т.И., это негативно отразилось на их последующей жизни.

Ее бабушка, Сарра Карловна Крафт, была дочерью высокопоставленного офицера из русских немцев. Он рано умер, но его дети получили прекрасное образование за государственный счет. Два брата бабушки еще в царское время стали адмиралами, старшая сестра окончила Парижскую консерваторию и медицинский факультет Сорбонны и жила во Франции. Сама бабушка три года проучилась в парижской консерватории, но потом всю свою жизнь посвятила семье. В доме бабушки была традиция: один день все говорили по-русски, второй день — на французском языке, а третий — на немецком.

Мемуары Заславской начинаются словами: «Я родилась 9 апреля 1927 года в Киеве в семье Ивана Васильевича и Татьяны Георгиевны Карповых. Эта была одна из многих семей, косвенно обязанных фактом своего возникновения революции, — уж очень резко различалось социальное происхождение моих родителей. Моя мама происходила из высоко интеллигентной профессорской семьи, а папа — из семьи фабричного рабочего и крестьянки» [4, с. 11].

Мама Татьяны Ивановны училась на филологическом факультете Киевского университета, свободно владела рядом европейских языков, знала греческий и латынь, успешно училась музыке. Но реализовать свой творческий и квалификационный потенциал в силу своего происхождения и семейных

обстоятельств не смогла. Она погибла 21 июля 1941 года во время первой бомбежки Москвы. Отец начал свое образование с церковно-приходской школы. В августе 1914 г. он был призван в армию, участвовал в Империалистической войне, был ранен и награжден «Георгием» 4-й степени. В дальнейшем он окончил философско-педагогический факультет Киевского университета, а в 1941-м. стал профессором Московского педагогического института иностранных языков.

Предбиография Т.И. — уникальна, ничего подобного нет ни в одной из известных мне биографий представителей первого поколения российских социологов [5]. И, пожалуй, здесь мы встречаем редкостный случай того, как история семьи предопределила главные линии профессиональной деятельности человека. От материнской семьи Заславская унаследовала способности к углубленной научной работе, она с раннего детства слышала, что наука — это самое почтенное занятие. По отцовской линии к ней пришло уважение к крестьянскому труду, внимание к жизни деревни.

Под влиянием семьи закладывалось ядро системы ценностных ориентаций Заславской. Отвечая на один из первых вопросов интервью о том, что формировало ее идеалы, Т.И. ответила: «Думаю, гуманистическое воспитание, которое мама старалась дать нам с сестрой... <...> Когда мне было пять лет, мы переехали в Москву, и мама начала вечерами читать нам с сестрой книги, выбиравшиеся, видимо, очень тщательно. Это были самые разные книги: русские и иностранные, грустные и веселые, драмы и романы, повести и рассказы, и про животных, и про людей, про все что угодно. Но все они носили очень гуманный, гуманистический характер» [1, с. 138–139]. К этому же ряду ценностей Т.И. относилась «нравственное равновесие с миром», или «спокойную совесть», а также личные честь и достоинство.

Затем война, она формировала патриотические идеалы. В те годы Заславская стала относиться к своим сверхценностям «странную и необычную ценность», которую она называла — Россия. Войну как обстоятельства, определившие ценностный мир и, в ряде случаев, стремление познать общество, называли все социологи, родившиеся на рубеже 1920–1930-х годов. Все в годы войны следили за информацией, сообщавшейся по радио и газетам. У Заславской был еще один источник сведений: их квартира в центре Москвы «стала одной из редких надежных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Поэтому все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у нас и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что я слышала

от этих людей, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах...» [1, с. 141]. Именно тогда она обнаружила «пропасть между жизнью и пропагандой».

Читая заготовки Т.И. к мемуарам, я обратил внимание на описание ее впечатлений от встреч с молодыми поэтами-фронтовиками в студии при издательстве «Молодая гвардия» в первые послевоенные дни. Там были Гудзенко, Межиров, Солоухин, Коржавин, Тушнова, Друнина и другие. Зная, что стихи этой когорты поэтов, передавших в своих произведениях войну и позже дух «оттепели», во многом определили мировоззрение социологов ее поколения, я спросил Заславскую об отношении к их творчеству. Приведу ответ полностью, ибо он передает определенные фрагменты ее ценностного мира: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи!» [1, с. 141].

И наконец, еще одна группа ценностей, которая возникла во время ее учебы на экономическом факультете Московского государственного университета, была названа Заславской. Это — идеалы свободного социалистического общества, в котором людям жилось бы хорошо и достойно: «Прежде всего, — высочайшая ценность Свободы и Правды. Когда я говорю о демократическом и справедливом обществе, то имею в виду прежде всего свободное общество. А одна из важнейших свобод — это Свобода утверждать Правду» [1, с. 142].

Закончив экстерном в Москве школу с отличием, Заславская после долгих колебаний и сомнений в 1943 году поступила на физический факультет МГУ, в этом она видела продолжение дела своего деда. Училась она отлично, но на третьем курсе поняла, что физика — «не ее наука», ее интересовало устройство общества. Отпускать с физфака не хотели, но все же она смогла перевестись на второй курс экономического факультета, обязавшись в течение года сдать все экзамены за два курса. Но обучение на физическом факультете не было «потерей времени», много лет спустя Т.И. говорила: «Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, был мой “естественно-научный” тип

мышления, и это оправдывает “потерю времени”». [1, с. 144]. По моему представлению, это утверждение является одним из главных ключей к пониманию не только научного стиля Заславской, но и ее гражданской позиции.

Обучение физике сделало ее «иной», чем все студенты-экономисты. На физфаке ей три года объясняли, что законы природы потому и законы, что всегда исполняются. Слушая на экономическом факультете лекцию о «законе планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, который, к сожалению, действует не всегда», она задавала вопрос: «Тогда, какой же он закон?». Она ставила вопросы перед преподавателям: «Ну как же это может быть?». Ответов на них не было и быть не могло. Поэтому у преподавателей и сокурсников создавалось впечатление, что она — «не как все». В итоге по окончании университета, это был 1950 год, несмотря на отличный диплом и признание дипломной работы значительной частью кандидатской диссертации, ее не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее ее поразили слова одной из ее подруг, что сделано это было правильно, так как в ней «было что-то не то, чуждость какая-то». С большим трудом Заславской удалось получить должность младшего научного сотрудника в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР

В ходе интервью я спросил у Т.И., почему в центре ее научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села, почему городская девушка из профессорской семьи, которая училась на физфаке и экономическом факультете, выбрала для исследований сельское хозяйство. Она ответила: «Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне <...> и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена» [1, с. 142]. Не знаю, действовали ли здесь законы генетики, но система ценностей явно способствовала движению Заславской в сторону изучения села. Живя в 1940 году в деревне у родственников отца, она «почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила». В интервью она заметила: «Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда» [1, с. 142].

Мне кажется, что оно могло возникнуть в сознании Заславской даже раньше. Г.Г. де Метц, ее дедушка, родился в Одессе в год отмены крепостного права, и его социализация проходила в период становления народничества, одной из центральных идей которого было сближение интеллигенции с народом; в то время это было крестьянство. И весьма вероятно, что студент де Метц, а позже приват-доцент физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета, разделял

те или иные взгляды народничества, тем более что в Одессе, где действовал филиал «Земли и воли», они были популярны. Отсюда оправданно предположить, что его дочь, выбирая книги для чтения своим дочерям (Тане и Майе), знакомила их с произведениями Гаршина, Мамина-Сибиряка, Короленко, Некрасова и других писателей-народников. Рассказы этих писателей явно могли вызвать в детских душах глубокое сострадание к жизни крестьян.

Оставлено нам

Очерченный набор ценностных ориентаций Т.И. Заславской — это базис ее профессиональной и общественно-политической деятельности, а также — ключ к пониманию ее жизни и творчества. Одновременно систему ее важнейших установок возможно трактовать как каркас, пучок главных направлений пространства историко-биографических исследований. На мой взгляд, этими направлениями во многом определяются личностные и профессиональные миры представителей разных поколений советских / российских социологов.

Сформулированное утверждение следует из общих представлений об иерархии ценностных ориентаций личности и одновременно находит эмпирическое подтверждение. Одним из центральных моментов нашей беседы по электронной почте неожиданно оказался вопрос, исходно представлявшийся мне «проходным». Я спросил Т.И., почему в середине 1970-х годов, то есть в ее пятидесятилетие, обладая значительным исследовательским опытом и большим числом публикаций, будучи член-корреспондентом АН СССР (с 1968 г.), она не умерила свои профессиональные усилия, а, напротив, расширила область теоретико-эмпирических поисков и перешла к анализу крайне беспокойной социально-политической тематики, включавшей изучение механизмов управления агропромышленным комплексом, то есть деятельности власти.

Ее развернутый ответ начинается словами: «Это очень серьезный вопрос, касающийся моих базовых ценностей, или того, зачем я вообще пошла в науку, почему из всех наук выбрала экономическую и из каких побуждений со временем перешла в социологию.

На экономический факультет Т.И. перешла потому, что уже в то время политическая экономия представлялась ей единственной наукой, изучающей устройство и функционирование человеческого общества. Тогда она ставила перед собой простую задачу — усвоить уже наработанную теорию об

устройстве советского общества. Но оказалось, что усваивать было практически нечего; концепция «реального социализма» не отвечала элементарным требованиям, предъявляемым к теории, она «кишела» внутренними и внешними противоречиями. Тогда возникла вторая задача: понять, как *на самом деле* устроено наше общество. Это означало, во-первых, необходимость опровержения общепринятых экономических и социальных «истин» и, во-вторых, развитие науки, вначале фиксирующей, а затем объясняющей процессы, действительно происходящие в советском обществе. Так Заславской был прочерчен ее генеральный путь в науке.

Интерес, или рациональная составляющая обращения Заславской к экономическим отношениям государства с колхозами, был вызван тем, что там она видела едва ли не самое больное место теории развитого социализма; там несоответствие практике было вопиющим. Большинство крестьян жили на нищенском уровне до конца 1950-х годов, по сути, оставаясь крепостными. Кандидатская диссертация была успешно защищена ею в 1956 году, а докторская — «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» — в мае 1965-го. Остро критические выводы этого исследования неожиданно пришлись «ко двору». Брежневу, необходимо было переложить все недостатки в сельском хозяйстве на Хрущева.

В начале 2000-х Т.И. говорила, что конечную цель своей работы, за исключением последних 12–15 лет, она видела не в развитии научной теории как таковой, а прежде всего в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства. Внутренним стимулом ее научной работы было не только развитие соответствующей области знания, но и возможность влиять на реальную жизнь общества, содействовать улучшению системы его институтов и социальной структуры. А это требовало выхода на проблемы управления и политической власти.

По воспоминаниям Заславской, защитив докторскую диссертацию, она стала заниматься проблемами села, лежавшими на стыке экономики и социологии [1, с. 147]. Формально ее приобщение к социологии произошло в начале 1966 года, когда она участвовала в Первом Всесоюзном симпозиуме социологов в Ленинграде. Она описывает это так: «Как интересно было слушать “наших первопроходцев”, среди которых, как звезды первой величины, выделялись Ядов, Грушин, Кон, Здравомыслов, Харчев... <...> ...Где-то в кулуарах мы встречаемся с Ядовым, коротко знакомимся, и буквально через пять минут я чувствую себя с этим человеком так, словно знала его всю жизнь! Закончив какие-то неотложные дела, В.А. ведет нас...

в какое-то небольшое кафе, и в центре нашего внимания сразу же оказались главные в ту пору вопросы развития социологии. В чем-то мы соглашались, в чем-то расходились и спорили, но главное — сразу стало понятно, что “мы одной крови”, иными словами, одних ценностей и убеждений» [6, с. 143–145].

Реально же вхождение Заславской в социологию началось раньше, и возможно, здесь мы имеем случай, близкий к описанному О.И. Шкаратаном. По его представлениям, он достаточно долго никак не был связан с социологией, хотя фактически уже становился социологом. Так, в беседе с В.В. Радаевым Шкаратан вспомнил, что в 1957 году один приятель-философ спросил его, знает ли он, что на Западе результаты социологических исследований используются в целях развития экономики. Шкаратан удивился и выразил сомнение в возможности подобного. Тогда его собеседник сказал, что он должен это знать, поскольку с сотрудниками С.Г. Струмилина изучал 1920-е годы. Шкаратану осталось только воскликнуть: «Так это и есть социология?» [7, с. 56].

Опыт экспедиционного сбора материалов Заславская начала осваивать в первой половине 1950-х годов под руководством Григория Григорьевича Котова (1901–1979), который оказал на нее исключительно сильное влияние. По ее предположениям, Котов мог в 1920-х годах участвовать в конкретных социальных исследованиях деревни и был убежден, что без долгих и откровенных разговоров (то есть углубленных интервью) с представителями всех сельских социальных ролей невозможно понять суть исследуемых проблем. Сами же посещения колхозов не могли оставить Т.И. равнодушной, усиливали ее сопереживание деревне, о котором говорилось выше. Летом 1955 года для сбора данных она приехала в одну из деревень Нечерноземья — района, побывавшего «под немцем». К тому моменту прошло уже десять лет после окончания войны, но люди там жили в землянках и зимовали вместе с телятами, овцами и свиньями. Она жила месяц в колхозе, приехала туда вместе с полугодовой дочкой и ее семнадцатилетней няней. Привезла с собой абсолютно все: продукты, лекарства, примус, керосин, утюг, корыто, хозяйственное мыло, консервы — в деревне не было ничего.

Так что через экспедиционный метод, долгие беседы с жителями деревни, через потрясение от увиденного и услышанного к концу 1950-х Заславская фактически стала и экономистом, и социологом; иными словами, началось ее движение в сторону создания российской экономической социологии. Находясь постоянно «внутри» конкретных исследований, она, — видимо, незаметно для себя — подошла к оформлению, конститу-

ированию этого научного направления. В интервью я спросил Т.И.: «Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: “Дай-ка я создам экономическую социологию...”». Ответ был таким: «А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии (в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы). А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р.В. Рывкиной, как главные кураторы специализации, стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать *экономическую социологию*. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла. <...> И мы успели почитать этот курс два или три раза, после чего решили, что можно и нужно делать книгу. Поэтому наша книга носила характер учебника. Может быть, не совсем, но во многом...» [1, с. 157].

В конце 1970-х – начале 1980-х Заславской и ее коллегам становилось все более ясным, что кризисные явления в советской экономике вызывались в первую очередь социальными причинами, общественные отношения тормозили, отторгали эффективную экономику, препятствовали ее созданию. Этот вывод стал отправным для написания доклада «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», вынесенного на обсуждение семинара в Новосибирском академгородке 8–10 апреля 1983 года. Тогда в Академгородке собрались более 70 новосибирских и примерно столько же иногородних ученых, приехавших из 17 городов страны, что свидетельствовало об исключительном интересе научного сообщества к обсуждавшейся проблематике. Доклад был опубликован в виде препринта и, как отмечала Т.И., «участники семинара, не получившие препринтов, брали их у счастливых владельцев на ночь и переписывали от руки. Этот факт меня просто потряс...» [1, с. 154].

Доклад оказался не просто серьезным аналитическим документом, заинтересовавшим специалистов; в академической, спокойной форме он отражал многое, о чем думала интеллигенция и что глубоко понимало население страны. В нем содержалась четкая общественная позиция — нужны глубокие социальные преобразования. Интересна реакция сестры Т.И. на текст, который она прочла на этапе подготовки доклада: «Ты

знаешь... по-моему, это *не доклад*... Это скорее *манифест*». И действительно, через несколько месяцев доклад был опубликован во многих странах именно как «Новосибирский манифест». На Западе его стали рассматривать как провозвестник коренных изменений в СССР.

Два экземпляра препринта с грифом «Для служебного пользования», оказавшиеся в США и ФРГ, не имели титульного листа, из которого можно было узнать название доклада и фамилию автора. Поначалу советологи предполагали, что доклад был итоговым документом закрытого семинара в Кремле, но потом авторство Заславской было установлено.

Знание реальной жизни населения страны, теоретические выводы, наполнившие «Новосибирский манифест» соответствующей духу времени социально-нравственной энергетикой, признание в профессиональной среде уже в предперестроечные годы сделали Заславскую не только известным обществоведом, но моральным, гражданским лидером интеллигенции, символом «шестидесятников», не растерявших за десятилетия свои надежды на возможность улучшения советской модели социализма, придание ей «человеческого лица».

И здесь, вопреки желаниям Т.И., стремившейся к продолжению своих исследований, события, разворачивавшиеся в стране после прихода к власти М. Горбачева, объективно сделали ее политиком высокого уровня. В конце ноября 1986 года ее избрали президентом Советской социологической ассоциации АН СССР (ССА). Читая сегодня ее доклад, вышедший в газете «Правда» лишь через два месяца под заголовком «Перестройка и социология», понимаешь, что каждое слово в нем обсуждалось на очень высоких этажах власти [8]. Неизвестно, имела ли бы эта статья какие-либо позитивные последствия, но помогла случайная встреча Заславской с Горбачевым 31 марта 1987 года на одном из официальных мероприятий. Она получила освещение в средствах массовой информации, и сразу же начали развиваться события, завершившиеся признанием социологии в качестве самостоятельной науки. Записи в дневнике, сделанная Т.И. в тот день, включает такие слова: «И все-таки весь этот шум — дело именно моих рук, глядишь, и будет какая-то польза для нашей социологии. Из-за этого я ведь и шла в президенты, хотя подобных сдвигов не ожидала...» [4, с. 573].

Прошло полгода, и Заславской пришлось принимать еще более трудное решение, чем давать согласие на руководство ССА. Все начиналось так: «После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С.А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня

возникло ощущение, что он меня “прощупывает” на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение — переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус» [1, с. 158]. Принять такое предложение для Заславской означало расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составлявшим ее «второе я». Но она чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется, и центр этой жизни перемещается в Москву. Как социологу ей хотелось быть там, где происходили основные события, определявшие судьбы общества. Также было очевидно, что центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому, понимала она, руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом, и в этом плане ее положение было уникальным. Стать первым заместителем руководителя центра согласился Борис Андреевич Грушин.

17 декабря 1987 года состоялось историческое событие: Заславская и Грушин встретились с руководителями ВЦСПС и обговорили все принципиальные вопросы организации и работы Всесоюзного центра изучения общественного мнения — ВЦИОМа. У нас есть все основания считать этот день значимым в процессе развития политической системы страны и истории российской социологии.

Первые шаги по созданию ВЦИОМа были сложными для Т.И. Она никогда не занималась изучением общественного мнения, да и решением организационных вопросов столь огромного масштаба ей не приходилось ранее заниматься. По ее воспоминаниям, многое в работе не ладилось, шло «через пень колоду», к тому же ВЦСПС, создавший ВЦИОМ, очень скоро понял, что без данных о мнениях, настроениях людей жить значительно проще, легче, чем при наличии такой информации. Постепенно началось экономическое удушье «новорожденного».

Происходившее в стране, во ВЦИОМе, переезд с семьей в Москву, конечно, изматывали и утомляли Т.И. Я помню, как на ее маленькой, чрезвычайно скромной даче в академическом поселке в районе Мозжинки, где интервью проходило под диктофон, она рассказывала, как в тот момент жизни ей очень помогло ее крещение в православие. Они с сестрой давно сожалели о том, что родители, будучи атеистами, запретили бабушке крестить детей, да и сами не были уверены, что хотели

этого. Но в июле 1988 года в небольшом русском Пюхтинском монастыре в Эстонии они приняли предложение настоятельницы и крестились. Мы договорились с Т.И. не включать этот фрагмент нашей беседы в готовившийся к публикации текст интервью. Но она сама рассказала об этом в книге [4, с. 614–615].

Вскоре ей пришлось пройти еще через одно испытание. В январе 1989 года началось выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР, и Заславская была выдвинута по трем линиям: от Академии наук СССР (как академик), от общественных организаций при Академии (как президент ССА) и от ВЦСПС (как директор ВЦИОМа). Вскоре она была избрана народным депутатом СССР именно как президент ССА и в июне 1989 года вошла в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). С тех пор прошло около четверти века, и сегодня это сообщество депутатов, объединившихся вокруг А.Д. Сахарова, Ю.Н. Афанасьева и Г.Х. Попова, признается первой советской легальной парламентской оппозицией. Среди требований МДГ были: отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, демократизация избирательной системы, демократический закон о печати, законы о земле и собственности, новый Союзный договор. Деятельность МДГ протекала в чрезвычайно сложной обстановке. В мемуарах Заславской этот период ее жизни назван: «Моя Голгофа». 29 июня 1989 года в ее дневнике было записано: «Нет у меня ни физических, ни духовных сил воевать с этим “агрессивно-послушным”, по выражению Ю. Афанасьева, большинством Съезда. Но и соглашаться с ним не могу. <...> На Съезде под проницательным взглядом Горбачева почти всегда голосовала с меньшинством» [4, с. 638].

В конце 1991 года, когда многое в работе ВЦИОМа уже определилось, после решений коллектива, объективно сделавших ее статус директора нелегитимным и потому достаточно болезненно воспринятых Т.И., она отошла от руководства этой организацией. Одновременно, в силу неприятия нового стиля отношений Ельцина и его ближайшего окружения с людьми, ей пришлось отойти и от политической деятельности, о чем она не сожалела. 28 декабря того же года Т.И. записала в дневнике: «Слава Богу, что политика из моей жизни ушла навсегда, больше ей меня не видать» [4, с. 677]. Начался новый этап в ее жизни — тесное сотрудничество с Теодором Шаниным, известным британским крестьяноведом, специалистом по истории и экономике России, в созданных им Интерцентре и Московской высшей школе социальных и экономических наук — «Шанинке».

Заславская руководила крупным научным проектом, связанным с социологическим анализом социально-экономических преобразований в стране, и кроме того, начала читать в Шанинке курс «Социальный механизм трансформации российского общества». Казалось бы, какие могут быть трудности у серьезнейшего исследователя этой проблематики и политика, наблюдавшего управленческую деятельность высших эшелонов власти, с подготовкой двенадцатичасового курса студентам? Но опять происходило то, о чем Т.И. говорила в нашем интервью о преподавании: «Фактически же я так и не успела полюбить этот вид труда, а потому и в полной мере им овладеть. Преподавание осталось для меня тяжелой и нелюбимой “нагрузкой”» [1, с. 157]. Но все прошло успешно, она смогла продумать и изложить будущим социологам свои основные воззрения на происходившие в стране изменения, и — как отмечено в дневнике — пообщаться с молодежью, умной, думающей, серьезной.

Наряду с этим в течение десяти лет Т.И. была руководителем и душой ежегодного симпозиума Интерцентра «Куда идет Россия?». Первый форум состоялся в декабре 1993 года, то есть через четыре месяца после ГКЧП и через несколько дней после поражения демократов на выборах в Государственную думу.

Тематика симпозиумов охватила наиболее актуальные проблемы развития российского общества, и ее обсуждение дало многое и для развития социологической теории, и для выработки практических рекомендаций. Симпозиумы стали существенной частью научной жизни обществоведов страны.

Сделанное Т.И. Заславской оставлено ею всем нам. Это ее вклад в познание нашего общества, его демократизацию, в нравственные основы современного российского социологического сообщества.

Немного сугубо личного

На рубеже 1980–1990-х годов имя Т.И. Заславской знала вся активная часть советского общества. Я познакомился с ней, когда в 1988 году начал работать во ВЦИОМе. Но узнал ее лишь в середине июня 1990 года; тогда большая группа московских и региональных сотрудников Центра участвовала в конференции в Алма-Ате. Мы летели туда из Москвы ночным рейсом, и мое место оказалось рядом с ее. Доверительность, открытость ночных разговор с попутчиками — излюбленная тема русской классической литературы. По-видимому, то, что наблюдалось литераторами на небольших станциях, в вагонах

поездов, верно и для самолетов. Мне повезло. Я увидел в Татьяне Ивановне то, чего в принципе не могли наблюдать миллионы телезрителей, да и многие ее коллеги. Мне открылись ее стремление как можно больше узнать о жизни других людей и готовность рассказывать о себе. Крайне редкое качество, тем более для человека, находившегося на пике популярности.

В 1993 году, когда я уже знал, что вскоре уеду из России в Америку, я пришел к Татьяне Ивановне домой и сообщил об этом. Она была первой в Москве, с кем я поделился планами моей семьи, и меня согрели, успокоили ее слова: «Грустно, когда уезжают друзья».

Наши контакты, уже по электронной почте, возобновились лишь осенью 2005 года — она легко согласилась дать мне биографическое интервью. Прошло не менее полугода до того момента, когда наша «электронная беседа» через океан началась. Но для меня это время не было потерянным. В конце марта 2006 года Татьяна Ивановна прислала мне свою документальную повесть-драму «Первый год войны» с подзаголовком «Через призму семейной переписки». Это рассказ 14–15-летней девушки, едущей из Киева в Ташкент с мало знакомыми людьми, и о ее жизни в Ташкенте. Прочтение дневниковых записей Тани Карповой стало для меня вторым открытием Заславской. Они ввели меня в ее ценностный мир.

Пройдет время... и кто-либо отважится написать роман, прообразом главной героини которого станет Татьяна Ивановна. Содержание такого произведения будет определено трагической историей России XX–XXI вв. Повествование может начаться как семейная сага и превратиться в социально-психологическую драму, где размышления и переживания героини будут неразрывным образом связаны с историческими реалиями нашей страны. Героиня романа — не пассивный наблюдатель событий, в которые вовлекли ее жизненные обстоятельства, а активный их участник. Видя все это в ходе интервью, я как-то сказал Татьяне Ивановне: «Ваша жизнь — основа для романа». Она согласилась и после некоторой паузы добавила: «Социально-психологической драмы». Мемуары свидетельствуют — она была глубоко права.

28 февраля 2013 года я находился в Москве на конференции памяти Бориса Андреевича Грушина, которую проводил ВЦИОМ. Программа была очень плотной. Успел лишь выскочить на пару часов, доехать до Дома ученых, где у меня была намечена встреча с Владимиром Александровичем Ядовым... Там оказалась и Татьяна Ивановна. Обнялись, поговорили, она меня спросила: «Может, заедете к нам?». Пообещал в следующий раз...

Очень грустно, когда друзья уходят навечно...

Литература

1. *Заславская Т.И.*: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
2. *Заславская Т.И.*: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
3. *Докторов Б.* Судьба для романа // Троицкий вариант. 2008. № 18N (854). С. 12–13 [<http://scientific.ru/trv/N-18-last.pdf>].
4. *Заславская Т.И.* Избранное. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
5. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
6. *Заславская Т.И.* Мы с Ядовым — «братья по разуму» // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
7. *Шкаратан О.И.* «Академические исследования требуют спокойствия» // Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В.В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2008. С. 53–81.
8. *Заславская Т.И.* Перестройка и социология // Правда. 1987. 6 февраля.